

Государство и общество

Соотношение категорий «суверенитет» и «права человека»: позиция Пекина

© 2019

С.В. Кривохиж

В статье рассматривается, как с точки зрения китайских исследователей и политиков соотносятся понятия «суверенитет» и «права человека», какие факторы повлияли на то, что в Китае сформировался принцип «суверенитет важнее прав человека» и какие изменения этот принцип претерпевает в настоящее время. Автор приходит к выводу, что со все большим вовлечением в международные политические и экономические процессы Китаю сложнее строго придерживаться принципа невмешательства в дела других государств и верховенства суверенитета, его подход становится более прагматичным и гибким.

Ключевые слова: суверенитет, права человека, внешняя политика КНР, «обязанность защищать».

DOI: 10.31857/S013128120006098-8

«Суверенитет» и «права человека» — категории, которые являются одними из основополагающих в политической науке и в то же время одними из наиболее дискуссионных. В частности, немало сложностей возникает с пониманием того, что подразумевается под данными понятиями в сообществах, в которые концепции были привнесены извне, например, в Китае. Интерес представляют и следующие вопросы: как, с точки зрения китайской стороны, соотносятся эти два понятия, почему в Китае сформировался именно такой подход и можно ли проследить изменение китайской позиции с течением времени. В данной работе автор предлагает ответы на эти вопросы на базе изучения дискуссии в китайских академических кругах и анализа изменений во внешней политике страны с 1990-х годов по настоящее время.

Концепция суверенитета в Китае: истоки и современные дискуссии

По оценкам исследователей, термин «суверенитет» появился в лексиконе китайцев лишь в XIX веке в результате взаимодействия с европейскими державами. Важной вехой стал перевод в 1860-х годах труда Г. Уитона «Элементы международного права»,

Кривохиж Светлана Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент департамента востоковедения и африканистики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский филиал. E-mail: skrivokhizh@hse.ru.

Статья подготовлена по результатам исследования № 18 — IP — 01, поддержанного НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

в котором впервые термин «суверенитет» был переведен на китайский язык. Американский миссионер У. Мартин, который занимался переводом текста, предложил для этого понятия бином 主权(*zhuquan*)¹. Лингвист Ф. Масини, анализируя данный термин, отмечает, что если первый иероглиф 主 имел достаточно определенное значение «хозяин», «владелец», то значение иероглифа 权, который традиционно означал «власть», «сила», было расширено и стало включать в себя значение «право». Например, в этом же переводе Мартин вводит понятие 特权(*tequan*) — привилегия². Таким образом, понятие «суверенитет» сочетало в себе идею «обладания властью» и «права» на ее использование.

Включение Китая в Вестфальскую систему международных отношений и последовавший за этим «век унижения» сформировали у китайцев понимание суверенитета, в первую очередь, как права сильного государства на проведение независимой внешней политики и ограждения от вмешательства в его внутренние дела³. После основания КНР принципы уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела государства стали ключевыми для выстраивания отношений со странами мира. В 1950-е годы они стали частью пяти принципов мирного сосуществования, которые позже были включены в преамбулу Конституции КНР и с тех пор являются базовыми для китайской внешней политики. Приверженность данным принципам неизменно подчеркивается и руководителями страны. Так, Председатель Си Цзиньпин, выступая в 2014 г. на мероприятии, посвященном юбилею пяти принципов мирного сосуществования, отметил, что Китай «не вмешивается в дела других государств и никогда не попытается навязать им свою волю»⁴.

Приверженность Китая идее верховенства суверенитета проявляется и в реальных внешнеполитических действиях. Например, можно отметить настороженное отношение страны к участию в различных международных институтах и механизмах, предполагающих существенное ограничение суверенитета. Так, страна не подписала декларацию о признании обязательной юрисдикции Международного суда (в соответствии с п. 2 ст. 36 Статута), выступила против создания Международного уголовного суда и до сих пор не присоединилась к Римскому статуту. Приверженность КНР принципу сохранения территориальной целостности суверенного государства проявилась, например, в 2009 г., когда Китай поддержал Сербию в вопросе независимости Косово. В документе, предоставленном китайской стороной в Международный суд, подчеркнуто, что уважение принципа суверенитета и территориальной целостности является основополагающим принципом международного права, в то время как принцип права народа на самоопределение может реализовываться лишь с рядом условий⁵. Поддержка принципа невмешательства в дела суверенного государства была продемонстрирована КНР, например, в ситуации с Мьянмой: Китай наложил вето на резолюцию СБ ООН S/2007/14, отметив, что «вопрос Мьянмы — это внутреннее дело суверенного государства, которое не представляет угрозы международному миру и безопасности»⁶. Похожую аргументацию КНР использовала, объясняя вето резолюции по ситуации в Зимбабве (СБ ООН S/2008/447).

Тем не менее нельзя отрицать, что активное включение страны в международные процессы и повышение ее статуса привели к тому, что в некоторых вопросах в отношении верховенства суверенитета Китай стал занимать более гибкую позицию. Среди примеров, которые иллюстрируют отказ страны от части суверенитета в пользу большей интеграции в международное сообщество, можно назвать вступление Китая в ВТО в 2001 г., участие с 2009 г. в Совете по финансовой безопасности или присоединение к международному режиму защиты прав человека (к 2012 г., согласно отчету о прогрессе по правам человека, Китай присоединился к 27 международным конвенциям по правам человека)⁷. Кроме этого, активное вовлечение в миротворческие операции ООН продемонстрировало трансформацию категоричной китайской позиции в отношении гуманитарных интервенций и концепции «обязанность защищать».

В китайском академическом сообществе также предпринимаются попытки осмыслить, что представляет собой суверенитет и как эта категория изменялась с течением

времени. О.А. Тимофеев в исследовании, посвященном эволюции государственного суверенитета в Китае, выделяет два подхода современных китайских авторов к вопросу о суверенитете: первая группа авторов придерживается теории ослабления государственного суверенитета, вторая — теории диффузии государственного суверенитета⁸. Соглашаясь в целом с данным разделением, можно выделить еще ряд особенностей. Например, в работах, посвященных определению и эволюции концепта «суверенитет», большинство китайских авторов до сих пор опираются практически исключительно на классические работы западных исследователей, в то время как современные авторы и дискуссии, которые уже несколько лет идут в западной науке, остаются вне фокуса. Так, среди обзорных статей присутствуют работы, полностью посвященные понятию суверенитета у Томаса Гоббса⁹, Джона Локка¹⁰, Жана Бодена¹¹. Кроме этого, ряд работ посвящен анализу суверенитета в работах Маркса¹².

Работы современных исследователей, таких, как Стивен Краснер, Синтия Вэбер или Роберт Джексон, китайскими учеными отдельно не анализируются. Некоторые идеи этих авторов можно увидеть в статьях, посвященных эволюции концепта и его современной трансформации, однако нередко они приводятся с критическими комментариями. Например, Ван Цзюань в работе, посвященной систематизации современных взглядов на суверенитет, комментируя статьи авторов, которые рассуждают об изменении сущности суверенитета (Э. Гидденс, Р. Робинсон, С. Краснер), отмечает, что эти идеи целенаправленно разработаны и используются западными странами для того, чтобы защитить свои национальные интересы и скрыть привилегии¹³. Похожего мнения придерживается Чжао Ян, который полагает, что новое определение суверенитета продвигается западными странами исключительно для обеспечения своих интересов с помощью формирования определенного дискурса и норм, а развивающимся странам необходимо создавать свой дискурс, чтобы защитить суверенитет¹⁴. Некоторые авторы предлагают способы, которые помогли бы развивающимся государствам обезопасить себя и сохранить суверенитет¹⁵.

Статьи, авторы которых признают, что если Китай хочет принимать активное участие в глобальном управлении, то ему придется пересмотреть свои узкие взгляды на государственный суверенитет, в том числе резко негативное отношение к нарушению принципа невмешательства во внутренние дела, стали появляться сравнительно недавно (примерно в 2010-х годах). Более того, эти исследователи отмечают, что китайское восприятие суверенитета уже претерпело значительную трансформацию, и современное китайское руководство осознает, что передача суверенитета в определенных обстоятельствах — единственный способ реализации государственных интересов¹⁶. Однако такого рода статьи посвящены не теме суверенитета как такового, а скорее вопросам глобального управления и участия в нем КНР.

Несмотря на наличие различных точек зрения, на данный момент не приходится говорить о какой-либо активной дискуссии в китайском академическом сообществе, два дискурса существуют как бы параллельно. Это в целом отражает дилемму, перед которой в последние годы оказалось китайское руководство: пытаться, с одной стороны, сохранить приверженность принципу верховенства суверенитета в международных отношениях, с другой — страна занимает все более гибкую позицию в вопросах, предполагающих его нарушение.

Суверенитет и права человека: специфика китайского подхода

Вместе с понятием «суверенитет» в конце XIX века в Китае активно обсуждались и осмысливались многие другие западные концепции: демократия, республика, национализм, естественные права и т.д. Изучив общественные и научные дискуссии в Китае конца XIX — начала XX века вокруг концепции прав человека (*renquan*), Марина Свенссон приходит к выводу, что китайское понимание ее в основном формировалось скорее под влиянием идей коммунитаризма и утилитаризма, нежели либерального инди-

видуализма¹⁷. Таким образом, в классическом споре конца XIX века между Эдмундом Берком, который выступал за то, что суверенитет государства не может быть нарушен ради защиты прав человека, и Томасом Пейном, который поддерживал идею, что человек вступает в общественный союз не для ограничения своих прав, а для их обеспечения и защиты, китайцы оказались ближе к позиции Берка.

Более того, на восприятие данной концепции серьезное влияние оказала политическая обстановка в стране: в поздний период Цин националисты Цзоу Жуна и Чэнь Тяньхуа использовали термин в контексте борьбы китайцев против маньчжуров и иностранцев; в период гражданской войны коммунисты апеллировали к защите прав женщин и рабочих, критикуя деятельность республиканского правительства и милитаристов. Таким образом, концепция скорее использовалась как «оружие борьбы» между разными силами. Исследователь Ян Юнхун отмечает, что до образования КНР КПК выпустила порядка 10 документов, гарантирующих права человека (*renquan*), однако после основания КНР термин был изменен на «гражданские права» и «народные права», более характерные для социалистического государства¹⁸.

Среди приоритетов политики реформ и открытости, инициированной Дэн Сяопином в 1978 г., защита прав человека также не стала главным пунктом повестки дня. Основные задачи заключались в том, чтобы возродить экономику и развивать отношения с внешним миром, особенно развитыми странами Запада. Тем не менее курс на открытость поспособствовал вовлечению КНР в глобальный диалог о правах человека. В 1980-е годы страна подписала и ратифицировала ряд договоров по правам человека, включая конвенции о расовой дискриминации и дискриминации в отношении женщин, а в 1982 г. стала членом комиссии ООН по правам человека. Кроме этого, Китай способствовал разработке Конвенции ООН против пыток и присоединился к ней в 1988 г. Немаловажно, что в Конституции 1982 г. были также закреплены основные права человека, включая политические (ст. 35), однако лишь в 2004 г. было внесено положение о том, что «государство уважает и обеспечивает права человека». В 2000-е годы начали появляться законы, направленные на защиту прав человека, и стали исчезать законы, их ущемляющие. Например, в 2003 г. была отменена система задержания и принудительного перемещения (*shourong qiansong*), а в 2013 г. — система перевоспитания трудом (*laodong jiaoyang*).

Несмотря на активное подключение к международному режиму защиты прав человека в 1980-е годы, подавление протестов 1989 г. на площади Тяньаньмэнь наглядно продемонстрировало специфику китайского подхода к вопросу соблюдения прав человека и соотношению категорий «права человека» и «суверенитет». Особого внимания в этой связи заслуживает позиция китайского руководства, которая была озвучена на дебатах по поводу событий на Тяньаньмэнь, организованных Комиссией по правам человека ООН. Китайская сторона подчеркивала, что, являясь развивающейся страной, КНР «поддерживает принцип верховенства суверенитета, равенства и невмешательства во внутренние дела государства» и считает, что «главная задача внутренней политики — поддержание стабильности и порядка в интересах развития»¹⁹. Таким образом, отвечая на критику, Китай продемонстрировал, что придерживается принципа верховенства суверенитета, обосновал необходимость предпринятых мер в целях его сохранения и указал на неуместность попыток оказать давление на КНР со стороны международного сообщества за действия, совершенные в рамках суверенного государства его законными представителями. Следовательно, нарушение прав человека не рассматривалось как достаточное основание для критики или, тем более, вмешательства во внутренние дела другого государства.

События на Тяньаньмэнь привлекли пристальное внимание международного сообщества к ситуации с правами человека в КНР. В ответ на это, с 1990-х годов Китай активно начал работу по разъяснению своей позиции. Одним из первых документов, в котором была обозначена официальная позиция КНР по данному вопросу, стала Белая книга по правам человека 1991 года. В документе подчеркивалось: именно сохранение суверенитета является условием для соблюдения прав человека и в целом для выживания

и развития народа. По мнению Пекина, аргумент, что принцип невмешательства во внутреннее дела не относится к вопросу о правах человека, является, по сути, требованием, чтобы суверенные государства отказывались от своего государственного суверенитета в области прав человека, в то время как, по мнению китайского руководства, защита прав человека должна обеспечиваться исключительно самим государством²⁰. В 1993 г. в Китае была создана Китайская ассоциация по изучению прав человека, призванная координировать китайские исследования в данной области и распространять китайский взгляд на права человека внутри страны и в мире.

Коротко обобщая китайский подход, можно выделить следующие особенности, отличающие его от принципов, на которых основывается международный режим защиты прав человека²¹.

Во-первых, китайская сторона настаивает на необходимости учитывать национальные условия реализации прав человека, такие как уровень развития, культурный и исторический контекст каждой страны.

Во-вторых, Китай делает упор на превосходство коллективных прав над индивидуальными и даже, вместе с рядом стран-единомышленниц, предлагает дополнить универсальные права человека такими правами, как «право на международную солидарность» или «право на мир».

Наконец, защита национального суверенитета и стабильность государства являются основными приоритетами, даже если это влечет за собой разногласия с международным сообществом в сфере защиты прав человека. Классический пример, который иллюстрирует такого рода разногласия, — тибетская проблема. Ситуация рассматривается китайской стороной исключительно как внутреннее дело Китая, которое не терпит вмешательства, в то время как международное сообщество обвиняет страну в том, что она использует принцип суверенитета в качестве «защиты» от критики за нарушение прав тибетцев.

В деятельности КНР на международной арене приверженность принципу «суверенитет важнее прав человека» проявляется на нескольких уровнях. В межгосударственных отношениях можно вновь обратиться к упомянутому ранее отказу Китая поддерживать действия международного сообщества, направленные на вмешательство в дела третьей страны с целью защиты прав человека: КНР активно критиковала интервенцию в Косово в 1999 г. и наложила вето на ряд резолюций, предполагающих вмешательство под соответствующим предлогом. В более глобальном смысле Китай занимается активной популяризацией своей позиции в области прав человека как в рамках участия в различных диалогах по правам человека (которые используются, в том числе, как площадка для озвучивания своих принципов), так и в ходе деятельности в Совете по правам человека (СПЧ) ООН. Исследователи из британского аналитического центра Chatham House подробно изучили деятельность КНР в СПЧ и выделили ряд интересных моментов. Так, Пекин активно выступает против фокуса на проблемах отдельных стран в рамках деятельности Совета и поддерживает в качестве альтернативы идею проведения тематических обсуждений в области защиты прав человека, которые охватывали бы широкий круг стран. Особенно острой критике подвергаются резолюции по отдельным странам, подготовку которых страна рассматривает как «самую крайнюю меру». Кроме этого, КНР активно продвигает следующий принцип: решающее слово должно оставаться за суверенным государством, а не за организацией. В частности, она выдвигала идею о необходимости добровольного обращения государства в ООН с просьбой оказать техническую и иную помощь, нежели принятия самой организацией решения об участии в кризисе²².

Тем не менее ряд политических шагов, предпринятый КНР в последние годы, привлек пристальное внимание международного сообщества и позволил предположить, что это сигнализирует о более гибком ее подходе к невмешательству в дела суверенных государств с целью защиты прав человека. Среди таких примеров: вовлечение КНР в урегулирование проблемы в Дарфуре в 2007 г. под давлением со стороны международного сообщества (в том числе отправка миротворцев), поддержка резолюции СБ ООН

1975 (2011) о санкциях в отношении президента Кот-д'Ивуара, резолюции СБ ООН 1970 (2011) о санкциях в отношении режима Каддафи в Ливии и резолюции СБ ООН 2014 (2011), которая фактически призвала к отстранению президента Салеха от власти в Йемене. Хотя Пекин продолжает придерживаться крайне осторожного подхода, когда дело касается вмешательства в дела государства, особенно использования силы, и даже пытается формулировать собственные правила и нормы касательно ее применения (например, в рамках концепции «обязанность защищать»), нельзя не отметить эволюцию подхода — от категорической критики до ее адаптации с целью ограниченного использования²³.

Среди причин этих изменений можно выделить следующие. Во-первых, образ ответственного государства, который Пекин активно формирует, в том числе, с помощью инструментов «мягкой силы», не позволяет более оставаться в стороне в кризисных ситуациях, связанных, в частности, с нарушением прав человека. Во-вторых, расширение спектра китайских интересов в разных регионах, в том числе таких нестабильных, как Африка, становится стимулом для более активного участия в урегулировании кризисов и стабилизации ситуации. В целом, чем выше статус Китая на мировой арене и чем больше его вовлеченность в международные политические и экономические отношения, тем сложнее строго придерживаться принципа невмешательства.

Изучая академические работы, можно обнаружить, что вопрос соотношения суверенитета и прав человека активно обсуждается и в китайском академическом сообществе, а позиция по данному вопросу постепенно эволюционировала вслед за изменением статуса Китая в мире и изменением официальной риторики. В 1990-е годы многие исследователи отмечали, что Китаю необходимо продолжать придерживаться марксистского подхода к правам человека и в соответствии с ним защищать суверенитет страны, так как именно выживание государства является залогом обеспечения прав человека²⁴. Идея опираться на марксистский подход не утратила актуальности и сейчас. Например, Чэнь Чжишан отмечает, что с момента основания КНР руководство страны твердо придерживалось марксистского взгляда на обеспечение прав человека и сформулировало «социалистическую теорию прав человека с китайской спецификой», что позволило Китаю добиться больших успехов в развитии²⁵. Нередко авторы ссылаются на Дэн Сяопина, который, по словам Ван Гуйшу, развил и дополнил марксистскую теорию прав человека, используя ее как оружие против гегемонизма западных стран. Дэн также полагал, что национальная мощь важнее прав человека, а государственный суверенитет и безопасность — превыше всего²⁶. По мнению исследователей, такой подход позволяет Китаю препятствовать вмешательству западных стран в его дела под прикрытием «деятельности по защите прав человека». Обвинения западных стран китайскими авторами, в особенности США, в империализме под прикрытием защиты прав человека достигли своего пика в период 1999–2003 гг. В это время вышел целый ряд статей, критикующих гуманитарные интервенции, которые, по мнению авторов, являются ни чем иным, как новым империализмом²⁷.

С изменением официальной позиций Китая можно наблюдать и изменение отношения китайских авторов к различным инструментам, предполагающим вмешательство во внутренние дела государств с целью защиты прав человека, а именно, к гуманитарным интервенциям, в целом, и к концепции «обязанность защищать», в частности. Так, в статье 2014 г., автор Ло Яньхуа отмечает, что китайская позиция в отношении политики «обязанность защищать» претерпела серьезные изменения, и если раньше Китай выступал категорически против данного подхода, теперь он выступает против «злоупотребления» этим инструментом²⁸. Авторы И Сяомин и Цзя Инцзянь отмечают, что в целом концепция «обязанность защищать» не так плоха, но, как часто это случается с хорошими идеями, ее реальное воплощение на практике оказывается далеким от идеала²⁹. Тем не менее общая мысль, которая до сих пор проходит красной нитью в работах китайских авторов по данной теме — именно суверенитет (его сохранение) является гарантией защиты прав человека, а любое вмешательство должно быть организовано аккуратно и с рядом оговорок³⁰.

Заключение

Анализ дискуссии в китайских академических кругах и изменений во внешней политике Пекина с 1990 г. по настоящее время позволяет прийти к следующим выводам относительно китайской позиции о соотношении понятий «суверенитет» и «права человека». Во-первых, на изначальное формирование китайской позиции по данному вопросу серьезное влияние оказали исторические условия появления обеих концепций в Китае. Болезненный опыт взаимодействия с европейскими державами в конце XIX века способствовал формированию у китайцев приверженности принципу уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела государств. Что касается концепции «прав человека», то ее понимание сформировалось в основном под влиянием идей коммуитаризма и утилитаризма, которые после образования КНР были дополнены и сформулированы в виде «социалистической теории прав человека с китайской спецификой». В результате закрепилось понимание, что защита национального суверенитета и стабильность государства являются основными приоритетами, а защита прав человека не рассматривается как достаточное основание для вмешательства в дела любого государства.

Во-вторых, все большее вовлечение Китая в международные политические и экономические отношения заставляет страну адаптировать свой подход, делать его более прагматичным. Это проявляется как в менее категоричном отношении к отказу страны от части суверенитета в пользу большей интеграции в международное сообщество (например, вступление в ВТО), так и в модификации жесткого подхода к правилу «суверенитет важнее прав человека» (в частности, эволюция отношения к концепции «обязанность защищать»). Это связано и со стремлением соответствовать имиджу «ответственного члена международного сообщества», и с расширением сферы интересов Китая в разных регионах мира. Несмотря на то что КНР продолжает придерживаться крайне осторожной позиции, когда дело касается вмешательства и особенно использования силы в отношении другого государства с целью защиты прав человека, можно предположить, что с дальнейшим вовлечением Китая в международные процессы подход будет становиться все более гибким, позволяющим в полной мере реализовывать национальные интересы страны.

1. *Spence J.* The Search for Modern China. New York. W.W. Norton and Company, 1990. P. 201.
2. *Masini F.* The Formation of Modern Chinese Lexicon and its Evolution toward a National Language: The Period from 1840 to 1898 // *Journal of Chinese Linguistics Monograph Series*. 1993. № 6. P. 47.
3. *Kim S.*, Sovereignty in the Chinese Image of World Order in R. St. J. Macdonald (ed.), *Essays in Honor of Wang Tieya*. UK: Kluwer Academic Publishers. 1993. P. 425–445.
4. Xi's speech at 'Five Principles of Peaceful Coexistence' anniversary, China.org.cn, July 7, 2014. URL: http://www.china.org.cn/world/2014-07/07/content_32876905.htm (дата обращения: 10.03.2019).
5. Written Statement of the People's Republic of China to the International Court of Justice on the Issue of Kosovo, The Hague, April 16 2009. URL: <https://www.icj-cij.org/files/case-related/141/15611.pdf> (дата обращения: 10.03.2019).
6. Overview of Security Council Meeting Records S/PV.5619, January 2017. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Myan%20SPV%205619.pdf> (дата обращения: 10.03.2019).
7. Progress in China's Human Rights in 2012, May 2013, Beijing. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2014/08/23/content_281474982986492.htm (дата обращения: 10.03.2019).
8. Тимофеев О.А. Эволюция концепции государственного суверенитета в Китае // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. М., 2012. Т. 5. № 2. С. 114–120.
9. У Цзэндин. Хобусы чжуюань сяозшо чутань: [Предварительное исследование теории суверенитета Гоббса] // Тяньцзинь шэхуэй кэсюэ. № 5. 2007. С. 17–23. DOI: 10.16240/j.cnki.1002-3976.2007.05.005.

10. *Ли Тин*. Локэ чжуцюань чжэнчжигуаньдэ циюань цзи гуйшу каобянь: [Исследование истоков и принадлежности политических взглядов Локка на суверенитет]. Наньтун дасюэ сюэбао. № 5. 2015. С. 33–38.
11. *Са Байинь, Дэн Чжэнлай*. Бодань лунь чжуцюань: [Боден о суверенитете] // Хэбэй фасюэ. № 9. 2008. С. 54–59. DOI: 10.16494/j.cnki.1002–3933.2008.09.001.
12. *Чжан Тао, Лю Цзюньцзе*. Цзюй жэньминь чжуцюаньдэ макэсы энгэсы миньчжусысян цзици сяньши ии: [Демократические взгляды Маркса и Энгельса на народный суверенитет и их практическая важность] // Лилунь юй гайгэ. № 1. 2015. С. 27–30. DOI: 10.13553/j.cnki.llygg.2015.01.007.
13. *Ван Цзюань*. Дандай сифан гуаньюй чжуцюань шифоу гошидэ чжэнлунь пинцзе: [Обзор западных дискуссий по вопросу является ли понятие суверенитет устаревшим] // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи луньтань. № 5. 2003. С. 57–60.
14. *Чжао Ян*. Гоцзя чжуцюань юй гоцзи ганьше — ичжун игуйфань вэй цзичудэ цзеду: [Государственный суверенитет и международная интервенция — нормативная интерпретация] // Цзяосюэ юй яньцзю. № 2. 2017. С. 108.
15. *У Сянхун, Хуан Инда*. Шицзе бяньгэчжундэ чжуцюань юй гоцзя лии: [Суверенитет и национальные интересы в меняющемся мире] // Чжунго жуанькэсюэ. № 6. 1998. С. 76.
16. *Ли Боцзюнь*. Цюаньюй чжили: чжунго бу ганьше чжэнцэ юй гоцзифа: [Глобальное управление: китайская политика невмешательства и международное право] // Тайпинян сюэбао. № 9. 2014. С. 1–11. DOI: 10.14015/j.cnki.1004–8049.2014.09.013.
17. *Svensson M.* Debating Human rights in China: A Conceptual and Political History, Rowman & Littlefield Publishers. 2002. P. 43.
18. *Yonghong Yang.* Sovereignty in China's Perspective. Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften. 2017. P. 131.
19. *Comission on Human Rights Forty-sixth session Summary Record of the 40th Meeting.* 26 February 1990. URL: <https://undocs.org/E/CN.4/1990/SR.40.P.19> (дата обращения: 10.03.2019).
20. *Human Rights in China.* Information Office of the State Council of the People's Republic of China. November 1991, Beijing. URL: <http://www.china.org.cn/e-white/7/index.htm> (дата обращения: 10.03.2019).
21. *Sun P.* Human Rights Protection System in China. Berlin. 2014. P. 93.
22. *Sceats S., Breslin S.* China and the International Human Rights System. Chatham House. October 2012. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/International%20Law/r1012_sceatsbreslin.pdf (дата обращения: 10.03.2019).
23. *Fung C.* China and the Responsibility to Protect: From Opposition to Advocacy. United States Institute of Peace. June 8, 2016. URL: <https://www.usip.org/publications/2016/06/china-and-responsibility-protect-opposition-advocacy> (дата обращения: 10.03.2019).
24. *Чэнь Цюцзинь*. Цичжи сяньминдэ цзяньчи макэсычжуи жэньцюаньгуань: [Твердо придерживаться марксистских взглядов на права человека] // Мао Цзэдун сысян яньцзю. № 3. 1994. С. 91.
25. *Чэн Чжишан*. Макэсыдэ жэньцюаньгуань цзай чжунго: [Марксистский взгляд на права человека в Китае] // Бэйцзин дасюэ сюэбао. № 6. 2012. С. 5–15.
26. *Ван Гуйшу*. Дэн Сяопин гуаньюй жэньцюань вэньтидэ цзигэ чжуняо сысян: [Некоторые важные идеи Дэн Сяопина по вопросу прав человека] // Нанькай сюэбао. № 6. 1997. С. 24–27.
27. См., например: *Лю Вэньцзун*. Лунь гоцзифачжундэ чжуцюань юй жэньцюань — бо “Жэньцюань гаоюй чжуцюань” мюлунь: [Суверенитет и права человека в международном праве — критика концепции «права человека выше суверенитета»] // Вайцзяо сюэюань сюэбао. № 3. 1999. С. 38; *Лю Цзе*. Лунь жэньцюань гоцзихуа юй гоцзи жэньдаочжуи ганьюй: [Об интернационализации прав человека и международной гуманитарной интервенции] // Сюэшу юэкань. № 12. 1999. С. 21.
28. *Ло Яньхуа*. “Баохудэ цзэжэнь” дэ фачжань личэн юй чжунгодэ личан: [Развитие концепции “обязанность защищать” и позиция Китая] // Гоцзи чжэнчжи яньцзю. № 3. 2014. С. 11–25.
29. *И Сяомин, Цзя Инцзянь*. Тоуши чжуцюань юй жэньцюань гуаньсидэ саньчун шицзяо: [Три взгляда на отношения суверенитета и прав человека] // Цилу сюэкань. № 3. 2014. С. 83–88.
30. *Чжан Юньлун*. “Юнью чжудо цюаньли чжи цюаньли” кэи кэнэн — лунь алуньгэдэ жэньцюань лилунь: [Как это возможно “иметь право иметь много прав” — о теории прав человека Х. Арендт] // Сюэхай. № 4. 2017. С. 77–83. DOI: 10.16091/j.cnki.cn32–1308/c.2017.04.011.